

Глава 1

ЗИМНЕЕ ВРЕМЯ

Зимнее время...

Утро осеннего дня. За окном, как и ночью, — огни, огни, реклама.

Огромный город и пригороды не спят — как определить, «уже не спят» или «еще не спят»? Как определить?

Народ торопится на работу, штурмует автобусы и маршрутки, поток людей течет в метро — это утром. А вечером — та же картина: люди спешат с работы домой в темноте среди ярких огней большого города.

Порой так страстно и жадно ждешь утренней зари.

Но все какие-то сумерки — осень, осень с дождями и туманами.

А так нужен, физически нужен рассвет.

Хоть какое-то окно, хоть какая-то передышка.

Сумерки лишают воли и сил.

В сумерках клонит ко сну, но спать нельзя.

Нельзя же все время спать — из мрака ночи — в сумерки дня — и опять во мрак ночи!

Вставать на работу и мчаться домой с работы во тьме при ярком электрическом свете, в потоке машин, в нескончаемой пробке, под грохот поездов метро, под гудки электричек на подмосковных перронах...

Светлого времени суток совсем мало.

Осенний туман и дождь за окном. Даже в полдень мы включаем лампу, чтобы почитать что-то на досуге.

Что-то интересное почитать — про жизнь, про смерть, про страсть, про любовь, про одиночество, про быт, про связь времен и про борьбу света с тьмой.

Какую-нибудь интересную, захватывающую историю, полную тайн, интриг, неожиданных поворотов сюжета.

Такие истории из книг спасают от одиночества и тоски.

И повседневные дела и заботы тоже вроде как спасают.

Но порой мы садимся у окна, устав от окружающей нас темноты, и смотрим — туда, туда, вдаль.

Когда первые лучи окрасят облака в золотисто-розовый цвет.

Нежная заря — Аврора — улыбнется нам с прокисших осенних небес.

И вся эта невозможная хмарь, сумеречная жуть будет сметена свежим утренним ветром.

Каждое утро я просыпаюсь в надежде, что это произойдет.

Время в принципе ведь ничего не значит.

Это просто иллюзия.

У нас ведь у каждого свои собственные биологические часы внутри. И это — благо. Это наша индивидуальность.

Это наша личная внутренняя свобода.

Свобода, о которой мы все так мечтаем, хотя порой и не признаемся в этом сами себе. И не говорим этого вслух.

У времени ведь нет границ. И обозначить его «летним» или «зимним» можно лишь условно.

Все равно ведь рассветет. И солнце покажется из-за туч. И Аврора — заря — нежная и яркая, всегда новая, как в первый день творения, нам всем улыбнется.

Глава 2

ВЫСТРЕЛ

Крутить педали велосипеда — одно удовольствие. Легко, проворно. Только надо соблюдать осторожность, потому что путь пролегает по загородному шоссе к железнодорожной станции. И по шоссе то и дело свистят, громяхают, проносятся, пролетают мимо авто.

Если держаться так, чтобы транспорт шел навстречу, то ничего, только вот фары машин глаза слепят. И вроде час еще не поздний, всего около девяти. Но это октябрь, точнее, последние дни октября — темнеет рано и кругом так сыро и полно луж, потому что дождь минуту назад перестал и вот уже припустил снова.

Ехать на велосипеде под зонтом кто пробовал? Неудобно это, никуда зонт не приторочишь, поэтому — капюшон куртки на голову пониже, саму куртку застегнуть поплотнее и нагнуться к рулю и крутить педали.

Легко, свободно...

Мокнуть под этим осенним дождем.

Вообще-то тепло на улице, и воздух такой приторный немножко, влажный, насыщенный прелью листвы и бензином.

Скоро, совсем скоро с загородного шоссе откроется поворот на тихую аллею, по ней можно доехать до железнодорожных путей, а там и станция. И электрички долго не придется ждать. На этом перроне останавливаются все поезда, потому что это совсем рядом с Москвой, хоть уже и загород.

А вон там, подальше, еще один поворот с шоссе, там Москва-река и яхт-клуб. И вокруг фешенебельная зона — коттеджные поселки, бывшие старо-дачные места, застроенные особняками.

Очень приличное по городским меркам место — богатое, комфортное для проживания, экологически чистое.

Когда-нибудь и я поселюсь в таком месте...

Так думал парень двадцати двух лет, крутивший педали велосипеда, спешивший по загородному шоссе к станции, к электричке, что помчала бы его и верный велосипед с Москвы-реки в саму Москву, к метро, где поезд подхватил бы его в свою утробу и повлек в спальный район. Там парень снимал койку в двухкомнатной квартире, где помимо него жили еще пять человек.

Все приезжие. Каждый занимался своим делом в столице и в проблемы, чаяния и надежды других жильцов особо не вникал. Потому как постояльцы просыпались рано, уходили из квартиры, а возвращались кто как — кто вечером, кто ночью, а кто и во все через сутки, потому что таковы правила рабочей смены.

Фархад Велиханову, приехавшему в столицу из Уфы, — так звали велосипедиста, приходилось тоже вставать рано, а возвращаться когда как. Все дни он крутился как белка в колесе. Сейчас вот, например, работал. Точнее, подрабатывал водителем в богатой семье.

Но это все временно, это чтобы сколотить немного денег и где-то с середины ноября вновь вернуться к платному курсу обучения по специальности сценическая графика и компьютерный дизайн театральных постановок и шоу.

Фархад учился этой специальности уже два года в Москве, но все с перерывами, потому что надо было деньги зарабатывать, платить за угол в квартире и за само обучение, ну и за еду, конечно.

Он старался не упустить никаких источников дохода, заработка. Так уж жизнь сложилась. Сегодня

ты — бедный студент. Но кто знает, что произойдет завтра? Быть может, счастье улыбнется тебе во всю пасть...

Фархад крутил педали велосипеда и прикидывал в уме — если все сложится, то... этот семестр и следующий он просто проучится — спокойно и без особых проблем. Он получил ведь некие намеки и гарантии, что такое возможно.

Ради того, чтобы просто учиться и не дергаться по поводу работы, Фархад был готов на многое.

Некоторые парни с периферии смогли так вот устроиться. Чем он хуже?

Ничем. Он лучше, да, он лучше многих.

Недаром ведь его выбрала в водители Хозяйка.

Фархад вздохнул, закрыл на секунду глаза и...

Резкий сигнал — навстречу промчался внедорожник на огромной скорости, обрызгал его всего грязью.

Вот так, надо держать ухо востро, даже если едешь и не в час пик по загородному шоссе.

По соседней полосе медленно двигалась машина, Фархад не обращал на нее внимания. Вот она обогнала его. Красные габаритные огни впереди. Кажется, иномарка.

По шоссе с ревом неслась бетономешалка, а за ней шел, гремя и лязгая, тихоход-трактор. Строительная техника — куда-то в сторону новых земель, на новые уголья фешенебельной застройки.

Фархад свернул на узкую боковую аллею в сторону железнодорожной станции.

Тут всегда темно, потому что нет фонарей, но дорожное покрытие сносное и луж нет. Только вот дождь все сильнее, сильнее. К ночи разойдется в настоящий осенний ливень.

Ну да ночью он, Фархад, уснет сном младенца на съемной койке под грохот телевизора за стеной.

Можно палить из пушки — его не разбудишь.

Уже не разбудишь никогда.

Можно палить из всех стволов...

Он уснет, как праведник, как человек, много грешивший, несмотря на свой юный возраст, но чья совесть чиста, потому что он грешил ради дела, — так сказать, вносил инвестиции в свое будущее.

В богатый комфортабельный дом на берегу реки, и не там, в Уфе, где мать и две сестры, а...

Неожиданно он узрел перед собой лицо матери — она месила тесто для беляшей и улыбалась ему, вытирала пот со лба запачканной мукой рукой.

Мать улыбалась, а он, Фархад, внезапно ощутил, что теряет все точки опоры.

Педали велосипеда крутились сами собой, больше он их не чувствовал под ногами.

Он не слышал выстрела, прозвучавшего в ночи, потому что выстрел (который, кстати, не слышал никто на дороге) заглушил грохот строительной техники — бетономешалки и трактора.

Выстрел раздался в тот самый момент, когда Фархад думал о том, что «можно палить — его не разбудишь».

Велосипед звякнул и поехал в одну сторону, а тело Фархада — в противоположную.

Пуля попала ему под левую лопатку, в темноту ударил фонтан крови.

Велосипед съехал в кювет и опрокинулся.

Фархад упал ничком в мокрую колючую осеннюю траву.

Его пробитое сердце уже не билось.

Но еще пару секунд его глаза, нет, мозг — затухающий, как искра, видел мать. Она стряхивала муку с пальцев и бросала беляши, начиненные ливером, на раскаленную сковородку.

ОТЕЛЬ «МЭРИОТТ — АВРОРА»

На запруженной машинами Петровке напротив Столешникова переулка остановился мотоцикл «Харлей». Мотоциклист втиснул его в парковочную щель между «Ягуаром» и «Ауди» и неспешно направился к центральному входу отеля «Мэриотт — Аврора».

Центральный вход в отель как раз со стороны улицы, а вход в лобби-бар рядом с магазином «Кристиан Диор», что смотрит витринами в переулок.

В этот час раннего вечера — шесть всего на часах — уже смеркается, но улица Петровка полна народа. Яркие огни, сырой воздух последних дней октября.

Мотоциклист, затянутый в черную кожу, — высокий, стройный, широкоплечий, снял с головы шлем, пригладил светлые волосы рукой и прошел весьма уверенно сквозь вертящиеся стеклянные двери отеля — мимо швейцара в позументе и охранников с рацией.

Удивительно, но в гулком, роскошном, отделанном сияющим мрамором вестибюле отеля оказался он единственным гостем. В этот еще не поздний вечер конца октября огромный «Мэрриотт» пуст и тих, как сказочный замок Фата-Морганы.

Но нет, где-то играет негромко музыка. Звуки арфы, невидимой глазу.

Мотоциклист быстро пересек холл, глянул на себя в зеркало мимоходом — молод, хорош собой, яркий блондин с голубыми глазами. Только вот на скуле зажившая ссадина, а на нижней губе свежая рана кровоточит.

Коридорный в форме, скучавший возле автомата для чистки обуви, окинул мотоциклиста оценивающим взглядом, но ничего не сказал. Этот парень... в

общем, он порой заезжает в роскошный отель «Мэриотт» и тут его знают.

Мотоциклист поднялся по ступенькам мраморной лестницы, ведущей в ресторан под куполом.

Это и ресторан, и зимний сад. Это гордость и краса отеля. Именно тут играет невидимая глазу арфа по вечерам. Столики, покрытые крахмальными белыми скатертями, все сплошь свободны. Нет ни одного гостя в ресторане. А над головой, высоко, далеко, как хрустальное небо, — прозрачный великолепный купол.

А если повернуть голову налево и глянуть вверх, — там галерея — зимний сад. Много зелени — сплошные тропики, и там такие уютные диваны и кресла и еще...

Там иногда мелькает призрак Оперы... Да, да, помните того кудесника — ведущего с телеканала «Культура», — всегда в смокинге, всегда с улыбкой, интеллигент и великий знаток прекрасного, он знал о мире музыки и мире оперы все. Именно там, в галерее под куполом в отеле «Мэриотт — Аврора», он устраивал встречи со своими гостями, среди них — мировые знаменитости: певцы, музыканты, дирижеры, критики, композиторы.

Кудесник в смокинге умер так неожиданно, скоропостижно, что в это трудно было поверить всем. Даже этому вот молодому мотоциклисту — блондину с разбитой губой.

Но порой, если приглядеться, надравшись в баре отеля, то можно еще увидеть... Да, тень... тот образ... призрака Оперы с прошедших времен, которые никогда уже не вернуться, потому что смерть...

Да, смерть сильна...

Однако блондин с атлетическими плечами и тонкой талией, затянутый в кожу, словно в средневековые рыцарские латы, не собирался сейчас здесь,

в пятизвездочном отеле «Мэриотт — Аврора», думать о смерти. И что-то там вспоминать и кого-то там жалеть.

Он просто скучающим взором оглядел пустой роскошный ресторан, лишенный посетителей, несмотря на то что сезон вроде бы и начался уже.

Он не увидел в ресторане ту, которую хотел здесь встретить.

К нему сразу же с вежливой улыбкой на лице обратилась хостес, но он покачал головой — нет, спасибо, меню знаю наизусть, а вот выпить предпочту в лобби-баре.

Он легко спустился по мраморной лестнице, еще раз оглянулся на зеленую галерею... звуки арфы — и только. И никаких привидений с телеэкрана...

В великолепном лобби, отделанном светлыми дубовыми панелями, — тоже небольшой ресторан.

И вот тут мотоциклист увидел ее.

Она сидела за столиком в полном одиночестве. На скатерти перед ней сервирован чай в лучших традициях английских отелей — белый фарфор чайника и чашек и тарелка с десертом.

Она была в платье из кашемира вишневого цвета и высоких замшевых сапогах.

Она тоже блондинка. И даже весьма миловидная, хотя немножко усталая.

Он, пожалуй, был ярче, красивее. Да и выше ее на целую голову.

Его звали Данила. А ее звали Евгения. И вот уже несколько лет они носили разные фамилии, потому что она, его младшая сестра, вышла замуж.

Евгения Савина — Женя, как ее звали все домашние, поднесла к накрашенным розовой помадой губам чашку чая и увидела Данилу Кочергина — своего брата.

Он направился к ее столику и сел напротив, улыбаясь, явно довольный встречей.

— Привет.

— Привет. — Женя отпила глоток чая. — Только что о тебе подумала.

— Правда, сестренка? — Он встал и отошел к стойке бара.

Бармен не стал даже спрашивать у него заказ — все, как всегда: скотч.

Со стаканом виски Данила вернулся за столик к сестре.

— Я знал, что ты тут сегодня, — сказал он.

— Мог бы и позвонить.

— Некогда. Ты же знаешь, у меня строгий учитель латыни.

Латынь и переводы с нее — вот уже год как Данила брал у профессора МГУ уроки по этому предмету. В свое время он два года проучился на классическом отделении филфака университета, но потом учебу забросил. А вот теперь возобновил уроки латыни и литературы в частном порядке. Его сестра относилась к этому спокойно, в отличие от других членов их семьи. Ее тревожило другое.

— Только не ври мне, — сказала она.

— Да я не вру, я прямо с урока.

— Ага, только вот весь рот разбит.

— Это мелочи. — Он отпил виски и поморщился. — Ах, черт, правда щиплет.

— А в тот раз дали в глаз. Слушай, я не понимаю...

— Все ты понимаешь, сестренка.

— Нет, я не понимаю. Ну тот ужас с автомобильными гонками... Я на коленях тебя умоляла прекратить это. И ты, кажется, внял. Понял, как я боюсь... Понял, что я маму каждый раз вспоминаю. Ты прекратил. А теперь вот этот твой бокс.

— Да это просто спорт. Для здоровья, — усмехнулся Данила.

— Это подпольные договорные матчи на деньги. Тебя там покалечат.

— Я сам кого хочешь покалечу.

— Тебя там покалечат! — Женя повысила голос. — Данила, ну я прошу тебя.

— Ну хорошо, хорошо. Сегодня была только тренировка. А потом я поехал читать Катулла и Авсония с профессором. «До чего все забавно получилось — тут мальчишка с девчонкой забавлялся. Шалуна, так велела мне Венера, поразил я копьём своим торчащим».

Женя пододвинула к себе десерт.

— Стишки переводишь для тети специально? — спросила она.

— Угу, — он кивнул. Допил виски и снова отошел к стойке бара — повторить. И опять вернулся, сел, вытянул ноги в тяжелых «берцах».

— Тетю хватит удар, — сказала Женя.

— Не хватит. — Он улыбался. — Тетя у нас здоровая как лошадь. А насчет перевода Катулла, так там вообще мягкий перевод. «Целию мил Амфилен, а Квинтий пленен Амфиленой. Сходит с ума от любви юных веронцев краса... Этот сестру полюбил, тот брата — как говорится. Вот он, сладостный всем, истинно братский союз. Неудержимая страсть у меня все нутро прожигала...»

— Тетю хватит инфаркт, — повторила Женя.

Ее брат пил свой виски.

— Ладно, — сказал он, — когда станет нам совсем невмоготу, то выручит нас старая добрая латынь и римская классика. Ты тут Генку ждешь?

— Да, я ему отправила эсэмэску. У них в департаменте совещание, но он приедет. Скоро.

— Муж за женой, как нитка за иглой, — усмехнулся Данила, — жаль, что ты теперь без машины осталась.

— Ничего. Я пока такси обхожусь.

— Поехали домой со мной.

— На мотоцикле? Да ты напился уже.

— Ничего я не напился. *Pisces natate oportet...* Рыба посуху не ходит, сестренка.

— Ты же знаешь, что я всего этого страшусь. Что ты едешь пьяный, что ты гоняешь на бешеной скорости. Выходишь на ринг на этих подпольных матчах, как будто ты в деньгах нуждаешься!

— Зато муж Генка у тебя тихий, ответственный товарищ, — усмехнулся Данила. — Служит вон в департаменте.

— Я и за Генку тоже тревожусь.

— Ну, у тебя планида такая — за всех переживать. — Данила пил свой виски. — Ты вот тут в лобби «Авроры» сидишь и от всех прячешься. Что я, тебя не знаю, что ли?

— Тут хорошо, — Женя вздохнула, — я здесь покойно себя чувствую. Тут какая-то стабильность во всем.

— Ну да, и ни души во всем «Мэриотте». Никто к нам не приезжает. Никому мы не нужны стали. — Данила указал глазами на тарелку с десертом: — Мильфей все такой же потрясный?

— Да, мильфей очень вкусный. Закажи себе что-нибудь. Нельзя же просто пить на голодный желудок.

— Салат «Цезарь» с их фирменным соусом все еще в меню? Или даже здесь уже нет голландского салата?

— Закажи шницель по-венски. Тут это фирменное блюдо.

Данила сидел неподвижно. И его сестра сама позвала официанта и сама заказала для брата шницель по-венски.

— Странно ощущать покой и стабильность в совершенно пустом отеле, — сказал Данила, — но так уж ты устроена, сестренка. *Nunc est bibendum...* Как

говаривал старикан Гораций, — теперь пируем, точнее, пьянствуем.

— Поешь горячего, — посоветовала ему на это Женя, — и потом закажи крепкого чая. Вымой хмель из башки.

— Ладно. — Данила улыбался официанту, ставящему перед ним блюдо с венским шницелем и корзиночку с фирменными дарами отеля — булочками и ароматизированным маслом. — А Генка скоро придет за тобой?

— Я же говорю, у него совещание. Не раньше восьми, наверное.

— Сейчас только шесть. Так и будешь тут бдить на своем посту?

— Это не пост. Это мой вечерний чай. Традиционный чай в отеле «Мэриотт», — ответила Женя. — Ой, у тебя губа кровоточит!

Она взяла крахмальную салфетку и, протянув руку через стол, приложила ее к губам брата.

Данила выпрямился. Потом забрал салфетку из рук сестры. Промокнул разбитую на боксе губу. А затем взял руку сестры и поцеловал.

Музыка арфы внезапно умолкла.

Глава 4 «УТРО СТРЕЛЕЦКОЙ КАЗНИ»

В просторном офисе, расположенном на втором этаже гостиницы «Москва», ярко горели все лампы. Окно офиса с опущенными жалюзи смотрело прямо на центральный подъезд Государственной думы.

Даже в летние солнечные дни в офисе при выключенном освещении всегда царил полумрак, потому что огромное здание отеля «Москва» отбрасывало тень именно сюда, в сторону метро «Театральная»,

и тут, как в глубоком ущелье между двумя монолитами зданий, господствовал постоянный сквозняк-ветродуй.

Мимо, мимо от Манежа к Лубянке проносились сотни автомобилей. А тротуары под окнами отеля всегда пустовали. Пешеходов и туристов влекли Тверская, Дмитровка, сквер перед Большим театром, Петровка, а сюда никто не ходил. Тут лишь останавливались дорогие лимузины тех, кто арендовал офисы в отеле «Москва».

Под образами в кожаном кресле за огромным письменным столом, лишенным какой-либо компьютерной техники, но заваленном папками с бумагами и почтовой корреспонденцией, переданной из секретариата на ознакомление, восседала Раиса Павловна Лопырева.

Ей исполнилось пятьдесят семь, а выглядела она на пятьдесят восемь — крепкая, ширококостная, однако не полная, с не очень хорошим цветом лица и тусклой пористой кожей.

Волосы она красила в рыжий цвет. Прежде она каждое утро заезжала в салон красоты и делала укладку у парикмахера. Но с некоторых пор утренние поездки в салон стали ее утомлять. Она сделала очень короткую стрижку и покрасила волосы в рыжий цвет. Это не помогло ей омолодиться, как она просила парикмахера, однако словно добавило еще больше уверенности.

Раиса Павловна не пользовалась косметикой и духами. Светлые брови свои и ресницы она не красила. Изредка баловалась неяркой помадой цвета кармина. Она одевалась в строгие деловые костюмы. Сейчас вот была в новом, песочного цвета, от Марины Ринальди. Вокруг увядшей шеи — жемчужное колье, единственная вольность стиля. Да на пальце — обручальное кольцо.

Напротив нее, по другую сторону стола, тоже в кожаном кресле для посетителей, сидел мужчина в синем дорогом костюме и белой рубашке без галстука.

Широкоплечий брюнет лет тридцати пяти с модной стрижкой, благоухающий безумно дорогим парфюмом и с гордостью носивший умопомрачительные мужские лоферы из кожи игуаны. На запястье его поблескивал золотой «Ролекс».

Он изучал какой-то документ под пристальным вниманием молчавшей Раисы Павловны.

Прочитал, а потом изрек:

— Кляуза.

— Вы все прочитали? До конца? — спросила Раиса Павловна Лопырева.

— Это несерьезно.

— Герман, это, на мой взгляд, очень серьезно.

Мужчину в лоферах из кожи игуаны звали Герман Дорф. У него на все имелось свое личное мнение. И часто это мнение отличалось от взглядов Раисы Павловны. Но она это Герману Дорфу прощала, потому что нуждалась в его деловых советах.

— Тут идет речь о картине Сурикова «Утро стрелецкой казни», — хмыкнул Герман.

— Вот именно, о картине из Третьяковской галереи. И к нам поступил сигнал общественности.

— Кляуза, — снова хмыкнул Герман.

— Сигнал. — Лопырева подняла вверх указательный палец. — К тому же один из моих внештатных помощников оказался тому свидетелем. Я не знаю, что там проводилось — урок прекрасного среди учащихся старших классов или просто экскурсия в Третьяковку. Но представьте такую картину: около «Утра стрелецкой казни» собралась толпа школьников — им всем уже по пятнадцать-шестнадцать, это будущие студенты, уже своей головой начинают думать. И вот учитель или экскурсовод начинает распространяться

насчет этого самого полотна. Вы помните саму картину Сурикова?

— Помню. Стрельцы после неудавшегося бунта... Лобное место на фоне Василия Блаженного, казнь вот-вот начнется. Царь Петр мрачный, как демон, смотрит со стороны на свой народ. Вот-вот вешать начнут или головы рубить, только там это не нарисовано.

— Там это не нарисовано, — подтвердила Лопырева, — а вот учитель или экскурсовод перед школьниками начинает эту тему развивать. Подавление, мол, инакомыслия... Петровская элита по приказу царя должна быть повязана кровью, круговой порукой. Экскурсовод пассажи из романа «Петр Первый» начал цитировать — мол, как царь заставлял своих любимцев — а ведь все это прогрессивные, положительные персонажи российской истории, от Меншикова до генерал-фельдмаршала Головина, — самолично брать в руки топор и сечь стрельцам головы на плахе. И опять — про подавление инакомыслия, про репрессии.

— Но ведь это все история, правда.

— Да зачем школьникам, будущим студентам об этом говорить? — повысила голос Лопырева. — Зачем акцентировать на этом внимание сейчас? Что, других картин в Третьяковке, что ли, нет? Зачем собирать вокруг этой картины экскурсию и начинать будировать совершенно ненужные вопросы? Подавление инакомыслия... Это не вопросы средней школы! Я считаю, нам надо на это среагировать.

— На что? — спросил Герман. — На художника Сурикова, жившего в девятнадцатом веке, или на позицию школьного учителя, экскурсовода? По поводу Сурикова скажу — его потомки до сих пор здравствуют, и они сильны и могущественны. Вы рискуете нарваться на неприятности. Вообще все это несерьезно и не ко времени.

— Нет, как раз это очень ко времени, — возразила Лопырева, — и наш инициативный комитет хотел бы заняться...

— Да никто из депутатов и ни одна фракция не станет пиариться на картине Сурикова, — ответил Герман, — это не та тема.

— Не заинтересуются?

— Думаю, нет.

— Но сигнал в наш комитет...

— Но ваш инициативный комитет не обязан реагировать на всякую ахинею. Раиса Павловна, вот вы же не стали на тот случай с куклами-голышами реагировать? И правильно. Кто-то там усмотрел пропаганду сексуальности среди детей в виде продажи кукол-голышей. Но вы же не зацепились за это, потому что...

— Ой, там так все половинчато, — Раиса Павловна махнула рукой, — куклы для детей... дети же играют, примеряют куклам новые платья, а значит, раздевают кукол. А потом одевают. И как тут провести грань — если дети раздевают кукол, почему нельзя голышей продавать? Там же нет никаких половых признаков, просто тельце из пластика. Да у меня у самой в моем детстве имелась кукла-голыш. Причем мальчик. Отлично я ее помню, купалась с этой куклой в ванне вместе. Голыш без половых признаков, там даже попка особо не была обозначена, ну, в смысле двух половинок. Так, общая гладкость.

— Ну вот, инициативный комитет не стал реагировать на голышей. И это тоже оставьте.

— Но тут идет речь о подавлении инакомыслия. И в юные головы в ходе экскурсии закладывается идея...

— Сильная картина, висит в Третьяковке, а Суриков — великий русский художник, — сказал Дорф. — Раиса Павловна, я вам так скажу, — моя профессия — пиар и масс-медиа. Пропиарить можно что угодно,

даже эту вот вашу идею. Но игра не стоит свеч. Много шума будет и — ничего.

— Вы так думаете, Герман? — Лопырева взглянула на часы — антикварные, в дубовом футляре, стоявшие в углу кабинета.

— Я в этом уверен. А вы что, куда-то торопитесь?

— Да нет, хотя так, какая-то усталость. — Раиса Павловна поднесла руку к глазам.

— Да, я сам как лимон выжатый, — кивнул Герман Дорф. — Я вообще-то страшная сова — у меня к вечеру как раз пик активности наступает. А тут что-то начал сдавать.

— Вы так молоды, вам ли это говорить, — Раиса Павловна откинулась на спинку кресла. — Ну так какой ваш окончательный совет?

— Забить.

— Забить?

— Такая организация, как ваш Инициативный комитет, не должна размениваться на всякие мелочи.

— Но работа с подрастающим поколением — это не мелочь.

— Ну а какие можно выдвинуть инициативы? Что, убрать «Утро стрелецкой казни» в запасники? Или не проводить со школьниками экскурсии в Третьяковке? Или не рассказывать о содержании и смысле картин?

— Не акцентировать...

— А они будут акцентировать. Вопреки. Вы что, предложите штрафы за это вводить, как вот предлагали штрафовать за употребление иностранных слов? Или в тюрьму сажать?

— Нет, но...

— Мой совет — все это положить под сукно, эту кляузу, — сказал Дорф.

Раиса Павловна Лопырева поджала тонкие губы. Потом снова глянула на часы в углу кабинета.

Герман Дорф вытянул ноги и рассматривал свои дорогие лоферы из кожи игуаны. На лице его была написана скука.

Раиса Павловна вздохнула и швырнула документ в мусорную корзину.

Глава 5

МАРТА

В пыльной и облезлой съемной однокомнатной квартире, расположенной на первом этаже хрущевки в районе метро «Динамо», жизнь была ключом.

Квартиру снимала Марта — женщина, уже не молодая, но весьма и весьма энергичная. Когда она появлялась в своей съемной квартире, то там все так и кипело — вещи летели в разные стороны, одежда падала на пол, в ванной, катастрофически лишенной ремонта, шумел душ.

Марта мылась в душе и напевала: ла-ла-ла...

У нее полностью отсутствовал слух, да и голоса не было, но это ее никогда не смущало.

Ла-ла-ла-ла...

А город пил коктейли пряные...

Виновата ли я...

Ай-яй, в глазах туман, кружится голова...

Ромашки спрятались, поникли лютики...

Лаванда, горная лаванда...

И еще десяток песенок, точнее отрывочных куплетов, потому что кто их, эти песни, до конца поет, кто знает все слова?

На полу, давно не метенном, жаждущем пылесоса и уборки, валялась одежда, нижнее белье.

Это словно помеченная тропа от входной двери к душу. Марта всегда раздевалась на ходу. Деловито пританцовывая.

Останавливалась на секунду возле зеркала в прихожей, шарила в косметичке, доставала разные губные помады и начинала красить рот — пробовать, какой цвет лучше, какой ярче.

Так и не выбрав, она шла в душ мыться. Смывала там, стирала помаду с губ, чтобы затем начать все сначала.

Вечер, вечер, вечер в квартире у метро «Динамо»...

Вечер ведь только начинался.

После душа Марта включала электрический чайник на крохотной грязной кухне, заваривала чай — покрепче. И ела шоколадные конфеты. Пусть от нее пахнет шоколадом и ванилью. Она ведь...

Да, она ведь — слааааааааа-ааад-кая женщина...

Страаааааа —аааааа-аннная женщина...

Эта женщина в окне...

Милая моя, солнышко лесное...

А ты такой холодный, как айсберг в океане...

Ты — морячка, я — моряк...

Сердце, тебе не хочется покоя...

После чая и конфет Марта открывала стоявший в комнате старый шкаф и начинала одеваться, прихорашиваться.

Дверь гардероба заслоняла ее и от комнаты, и от окна. Никого не было в квартире, но так уж повелось, так она привыкла.

Затем она отступала от шкафа и шла в прихожую смотреться в большое зеркало.

Крупная, с очень широкими боками и толстым задом, с тяжелой выпирающей грудью, — она была облачена в черную короткую комбинацию.

Возле зеркала, поставив ногу на маленькую скамейку, она начинала свой вечерний ритуал — надевание чулок.

Чулки всегда черные, иногда гладкие, иногда в сеточку.

Марта любовно и бережно доставала их из пакета, почти каждый раз новую пару. Встряхивала, потом засовывала внутрь руку, щупая и наслаждаясь фактурой.

Затем, кряхтя, потому что бока и грудь мешали, она наклонялась, ставила ногу на скамейку, просовывала ступню внутрь чулка и...

Ох, волшебный момент!

Нет, не нога скользила внутрь, это чулок скользил вверх по ноге, обтягивая широкую щиколотку и крепкую ляжку.

Марта долго, с чувством, любовалась на свою ногу в черном чулке, а потом ритуал повторялся.

Надев чулки, она еще долго вертелась перед зеркалом — и так, и этак, гладила себя по полным крутым бокам, втягивала живот.

Под такие чулочки, конечно, нужны туфли на умопомрачительных шпильках. Этак сантиметров двенадцать. Но не девочка ведь уже, не двадцать лет. Порхать на каблуках при таких габаритах тяжело.

А потому туфли выбирались на каблуке низком, устойчивом, удобном. Ходить придется и стоять. Лучше уж полностью полагаться на проверенные комфортные вещи, на обувь, что не натирает ноги.

После чулок и обуви наступал еще один трепетный момент возле зеркала.

Марта начинала краситься.

Она долго колдовала над лицом, сначала накладывала «базу» под тональный крем для гладкости кожи. Затем уверенными движениями наносила на лоб, щеки и размазывала круговыми движениями саму «тоналку».

Съедала еще пару конфеток, давая тональному крему впитаться. Затем густо и обильно пудрилась.

После этого подводила брови. Придирчиво выбирала тени для глаз — почти всегда перламутровые — и накладывала их широкими шедрыми мазками.

Не штукатуриться, а краситься...

Вот так, вот так, вот так...

Накладные ресницы она красила тушью густо-густо и очень-очень долго. Взмах, взмах... И вот ресницы почти совсем как кукольные — такие длинные, такие густые.

Марта с удовольствием взирала на свои пухлые щеки и тыкала пальцем в баночку с румянами — чуть-чуть оттенить вот тут на скулах, а то щеки толстые, хотя и нельзя назвать их обвисшими.

После Марта надевала парик. Свои волосы — это свои, от них, конечно, никуда не денешься, но вот этот белокурый парик, это просто чудо что такое.

Свои волосы закрыты специальной сеткой, чтобы парик сидел как влитой.

Вот так надеваем и...

А вот теперь из зеркала на мир смотрит настоящая Марта — та, которую знают в клубе.

Это Марта Монро, почти что Мэрилин...

О, Мэрилин, незабвенная Мэрилин Монро... Ах, до твоего идеала, конечно, далеко, но общий узнаваемый тренд соблюден.

Точь-в-точь...

Белокурая Марта Монро в парике наконец-то делала завершающий штрих: она бралась за помаду — ту, что перед душем отбраковывала, и густо, с наслаждением и любовью красила свои губы.

Яркие губы...

Ах, они созданы для поцелуев.

Затем она натягивала платье с блестками — порой розовое, порой серебряное — и брала с вешалки жакет из белого искусственного меха, так похожего на перья.

Марта Монро.

Она глядела на себя в зеркало.

Жизнь...

Ах, жизнь, что ты делаешь со мной...

Знакомый таксист — она платила ему щедро — уже ждал, звонил от подъезда: такси подано.

Марта легко поворачивалась на своих устойчивых каблуках, брала с зеркала туго набитую сумку и...

Вот тут ей всегда приспичивало в туалет на дорожку.

Это было что-то чисто психологическое, она не могла покинуть квартиру и сесть в такси без того, чтобы не зайти в туалет.

А с этим целая проблема, потому что, когда вы полностью уже собраны, одеты в платье и меховой жакет, выясняется одна очень интересная деталь.

Под платьем надето боди.

Тут надо пояснить, что сначала Марта хотела надеть вниз только утягивающее белье — такие панталоны, облагораживающие пышность форм. Но с чулками и платьем это неудобно.

Совершенно неудобно.

И вот тогда ее осенила идея с боди. Но он же как сплошной купальник!

И ходить в туалет в нем — сущее наказание.

Марта снова заходила в ванную — это же совмещенный санузел — и вставала, раскрылатившись над унитазом.

Чуть приседала, затем, чертыхаясь вполголоса, оттягивала утягивающий плотный боди, закрывавший промежность, чуть в сторону и...

Оооооооооооо! Какое наслаждение...

Тугая золотая струя...

И нет того извращенца, любителя золотого дождя, который это оценит.

Сделав свое маленькое важное дело, Марта, не помыв рук, цокала каблучками назад в прихожую.

Порой она даже забывала спустить воду в унитазе.

Ее мысли были заняты уже предстоящим вечером в клубе.

А мочевого пузыря опорожнен.

Глава 6

ИНВАЛИДНОЕ КРЕСЛО

Легкий ароматный дым гаванской сигары поднимался к вечернему небу, затянутому тяжелыми дождевыми тучами. Смеркалось, и автоматическая подсветка вдоль дорожек на участке зажглась.

Петр Алексеевич Кочергин курил сигару на свежем воздухе в патио своего большого дома. Патио помодному отделано плиткой, украшено морозоустойчивыми хвойными в больших керамических горшках. Но все горшки сдвинуты так, чтобы максимально освободить все проезды и все повороты — из патио на участок и к крыльцу открытой веранды дома.

Возле ступеней крыльца оборудован широкий, очень удобный пандус — это чтобы инвалидное кресло Петра Алексеевича...

Да, Петр Алексеевич Кочергин, отец Данилы и Жени, курил сигару в своем инвалидном кресле, из которого не вставал уже много лет.

Кресло — чудо современной медицинской техники — оборудовано электроприводом, сенсорными кнопками. Но для движения по дому всем этим Петр Алексеевич не пользовался. Крутил колеса кресла руками и перемещался тихо, почти неслышно.

Да, да, очень тихо в доме. И пуст он, дом этот, в вечерний час. Все в разъездах, все по делам. И лишь

Петр Алексеевич праздно вот так совсем от нечего делать курит сигару и прислушивается.

Горничная в доме, где-то в самых его недрах. Горничная-филиппинка. Ее посоветовали взять знакомые жены Петра Алексеевича. Знакомые — дипломаты. Сейчас, мол, это модно и удобно — горничная-филиппинка. По-русски она знает плохо. Но насчет работы по дому — оооооооооо! Целыми сутками она фанатично и истово убирается, убирается.словно невидимый молчаливый робот. Глянешь — и нет ее совсем, словно и не существует она на свете, эта горничная-филиппинка. А в доме чистота, ни соринки.

Петр Алексеевич крепче прикусил сигару зубами. Вот так... Смеркается. Осень, темнеет рано.

Для прогулки на свежем воздухе Петр Алексеевич одет тепло — в куртку, вокруг шеи шерстяной шарф, на голове шерстяная кепка. Горничная-филиппинка помогает ему одеваться и раздеваться.

А прежде помогал тот парень... Ну, когда не водил машину.

Но теперь осталась лишь горничная...

Петр Алексеевич неспешно начал объезжать патио, двигаясь в направлении большой клумбы, засаженной последними осенними астрами, декоративной камнеломкой и мхом. Что тут только не делали, на этой клумбе — и японский садик, и альпийскую горку.

А теперь вот засадили все камнеломкой. Она и под снегом зеленеет. И подстригать ее, как газон, не нужно.

Огоньки подсветки на дорожках участка...

Участок немаленький, с фруктовым садом, за которым мало ухаживают, с туями у забора.

Сразу за забором — крутая тропинка в лес, и ведет она к высокому берегу Москвы-реки. Сын Данила летом любит бегать там по утрам. Когда дочь Женя приезжает с мужем Геннадием, он и его пытается увлечь на пробежку.

Но Геннадий к спорту не слишком расположен. И за то, что он не бегаёт... да, за то, что он вот так демонстративно не выпячивает свою физическую форму, свою энергию, свои возможности, свою свободу, наконец, бегать, прыгать, ходить, да, ходить... Вот за это за все Петр Алексеевич ему благодарен.

Зять исполнен чувства такта. Так считает Петр Алексеевич. А вот сын Данила такта напрочь лишен.

Да и жалости, сочувствия — тоже.

Ох, нет, только не подумайте, что Петр Алексеевич, глава и хозяин этого большого, очень дорогого дома, нуждается в жалости и сочувствии из-за своего инвалидного кресла.

О нет...

Может, лишь в самые первые годы после того, как это случилось с ним. Но тогда дети его — сын и дочь — были еще так юны. Молодость вообще толком не способна к истинному сопереживанию трагедии.

Поддержку Петр Алексеевич получил сполна только от жены. Да, от своей второй жены. С ней он в браке и по сей день.

Но жены сегодня вечером с ним рядом тоже нет. Жена — деловой человек, она очень занята.

А Петр Алексеевич вот тут, дома...

Он курит сигару.

С великим наслаждением он курит великолепную душистую гавану. И ощущает каждой клеточкой своего тела мир, что его окружает.

Патио, где оборудовано все для семейного барбекю. Эту вот вечернюю сырость. Этот ветер с реки, что шумит в саду. Эти огоньки подсветки, что моргают, точно подмигивают ему со стороны дорожек.

Петр Алексеевич медленно крутит колеса кресла руками, потом все же нажимает сенсорную кнопку. И кресло — его домашний трон — медленно и осторожно едет из патио по дорожке в сад.

Он едет один и курит сигару. Сумерки все гуще, осенний вечер накатывает, как океанская волна.

В доме на веранде и в холле внизу включается электричество.

Скоро ужин.

Возможно, к ужину из семьи кто-то придет. Возможно, все сразу, а может, и никто, потому что все задерживаются в Москве — по делам, и в пробках, и просто так.

Жить за городом вот в таком элитном поселке у Москвы-реки, конечно, престижно. Но тут очень остро чувствуется одиночество.

От этого спасает лишь хорошая сигара.

Петр Алексеевич кружит в инвалидном кресле по дорожкам сада. Это его прогулка. Это его ежевечерний моцион. Это — традиция.

Хорошо, что пока нет дождя.

Глава 7

БЕЛОРУЧКА И ПУЗЫРЕК ЗЕЛЕНКИ

То, что Белоручка получила звание майора и повышение, не стало для Кати — Екатерины Петровской, криминального обозревателя Пресс-центра ГУВД Московской области, сенсационной новостью.

Больше удивило другое — Белоручка покинула МУР, Петровку, 38, и перешла на работу в областной главк.

Не Белоснежка... Белоручка... Лилечка... Катя именно так называла всегда ее про себя — Лилечка.

Вместе они работали лишь однажды — по московскому делу об убийствах на бульварах¹. Но с тех пор крепко подружились. Хотя виделись очень ред-

¹ Подробно об этом деле читайте в книге Степановой «ДНК неземной любви», издательство «Эксмо».

ко. И вот новость среди бела дня — Лиля Белоручка, теперь уже майор полиции, ушла из отдела убийств МУРа, чтобы работать в Подмосковье. Она назначена начальником криминальной полиции в ОВД Прибрежный.

Они с Катей не встречались очень давно. И многое с момента их встречи изменилось. Но вот неожиданно выпал шанс увидеться и поработать вместе — так думала Катя по пути в Прибрежный ОВД за рулем своей маленькой машины «Мерседес-Смарт».

Она даже не стала звонить Лиле Белоручке, решила нагрязнуть как снег на голову после того, как прочла в сводке происшествий об *этом убийстве*.

Она не ожидала от этого дела ничего экстраординарного. Просто — потешить репортерское любопытство и заодно встретиться со старой подругой, поздравить ее с новым назначением.

Да, она не ожидала от этого дела ничего такого... Она даже не могла представить себе, какие события впереди, связанные с этим вроде бы таким простым бытовым убийством на аллее у железнодорожной станции.

Что греха таить, по пути в Прибрежный ОВД Катя считала, что она там, в компании Лили Белоручки, слегка развеется и отвлечется.

От чего отвлечется? Так от этой тяжелой осенней апатии. От усталости, давящей словно камень. От всего этого опостылевшего ритма — дом, работа, дом...

Она приезжала на работу в Пресс-центр к девяти. Вставала в семь утра в полной темноте. Октябрь не баловал погожими днями, а конец месяца вообще утонул в нескончаемом дожде, в сумраке, в тучах.

На работе Катя всегда задерживалась, а это означало, что и домой она возвращалась тоже в темноте.

Включала свет в своей квартире на Фрунзенской набережной и часто подолгу сидела на кухне, пила

крепкий чай. Смотрела в окно на Москву-реку, на набережную, сияющую огнями.

Все, все, чем она прежде так гордилась и что спасало ее в самые трудные моменты жизни — любопытство, азарт, бойкое перо, настойчивость, — все это словно обесценилось. Представлялось таким смешным и никчемным, никому не нужным...

Был ли то некий душевный кризис? Катя об этом старалась не думать. Она все чаще ловила себя на мысли, что и работу свою — написание криминальных статей в интернет-издания в качестве криминального обозревателя Пресс-службы ГУВД — она исполняет все более и более формально.

Все чаще подбирает слова...

Все чаще пишет на нейтральные темы.

Многие вещи, о которых она прежде не задумывалась, становились важными и, как бы это сказать, звучали совсем по-иному.

Порой Катя ощущала безмерную опустошенность в душе и безграничную апатию.

Но она старалась брать себя в руки...

Нужно взять себя в руки! Слышишь, ты! Надо, надо брать себя в руки. Ты сможешь, ты сильная.

Получалось или не получалось — об этом Катя опять же судить не могла. Чтобы хоть как-то поднять себе настроение, она...

Что мы делаем, когда нам плохо, скверно? Мы обращаемся к друзьям.

Так поступила и Катя. И это коротенькое сообщение в сводке об убийстве у железнодорожной станции в Прибрежном пришлось как нельзя кстати. Ну, если такое можно сказать об убийстве.

Катя решила написать о раскрытии этого дела для криминальной полосы интернет-версии «Вестника Подмосковья». И не стала звонить подружке Лиле Белоручке загодя.

Решила просто приехать сама в Прибрежный.

ОВД находился на берегу Москвы-реки. И почти рядом со столицей. Раньше это было просто отделение милиции Прибрежное. И туда словно в ссылку отправляли тех, кто... Ну, в общем, не имел особых служебных перспектив — оперов и участковых, грешивших алкоголем, которым до пенсии оставалось год-полтора. Их просто жалели увольнять за пьянство. А также строптивых, тех, кто имел с начальством какие-то конфликты. Или тех, кто просто не сработался с основным коллективом района.

Такие места в полиции — своеобразный отстойник. Нет, нет, не подумайте, что там все сплошь грешники и злодеи, нет, скорее даже наоборот. В подобных местах — в заповедниках — порой бытует особая атмосфера, отличная от общей генеральной нестигаемой линии ведомства.

Если где-то собрать слишком много профи — пусть и алкашей, и строптивых, и бунтарей, то атмосфера не может не измениться.

Там, внутри.

Катя думала по пути в Прибрежный ОВД, что майору Лиле Белоручке достался непростой, очень непростой коллектив. И то, что она, женщина, возглавила криминальный отдел, это... возможно, знак судьбы. Пусть маленький, незначительный, но все же положительный знак.

В это утро, решив посвятить себя командировке в Прибрежный, Катя впервые за долгое время встала не в семь, а в начале девятого.

А это означало, что она проснулась при свете дня. Пусть серого, ненастного, но все же дня — а не в полной темноте.

Добралась до ОВД она без приключений, оставила позади Москву и тут же въехала в микрорайон Прибрежный, застроенный многоэтажками.

Отдел полиции располагался возле парка на берегу реки. У здания ОВД — все как обычно, только очень много полицейских машин.

Но вот внутри...

— Один звонок сделаю! Щас адвокат приедет — так я один звонок сделаю с его мобильного, и вас всех тут не будет! Вас всех уволят!

— Руки покажите, пожалуйста.

— Нечего меня осматривать, вы не имеете права!

В дежурной части патрульные, помощник дежурного и эксперт-криминалист пытались утихомирить задержанного — молодого мужчину, рыжего, сытого, с глазами навывкате и красными пятнами на лице. Он брызгал слюной на эксперта-криминалиста и орал:

— Лига кротких против Содома! Он — изззззвращенец бородатый, трансвестит в женском платье! Лига кротких не потерпит!

— Покажите руки, — настаивал эксперт.

— Да чего руки. Да ты знаешь, кто я?! Один звонок — и тебя, всех вас уволят без пенсии!

— Руки покажите, я сказал.

Катя, подойдя, увидела, что руки молодца, кричавшего про лигу кротких, все в зеленых пятнах.

Она отозвала в сторонку помощника дежурного, предъявила удостоверение и спросила:

— Что тут у вас?

— Дурдом, — дежурный покачал головой.

— Я к вашему начальнику майору Белоручке.

— Она в пятом кабинете, потерпевшими занимается.

Катя пошла по коридору, ища пятый кабинет. Постучала, открыла дверь и..

— Закройте дверь, я занята!

Резкий женский голос. Катя увидела свою подругу. Лиля была в форме. Она обернулась к двери, взмахну-

ла рукой — мол, не сейчас. И тут глаза ее встретились с глазами Кати.

— Это я, — сказала Катя.

— Это ты?

— Это я, — повторила Катя. — Извини, что без звонка и, кажется, не вовремя.

— Заходи! Катя, что же ты так давно не приезжала, не звонила.

Катя смотрела на подругу. Лиля слегка раздалась вширь. Она всегда была маленькой женщиной, невысокого роста, но очень сильной, ловкой, подвижной, дружившей со всеми видами спорта. А тут слегка потолстела. Хотя лицо ее осталось худым, с резко очерченными скулами. Катя отметила, что возле уголков рта Лили залегли морщинки, их раньше не наблюдалось. И все черты как-то заострились, посушили. Даже когда она улыбалась...

Сейчас лицо Лили было каким-то серым.

За столом в пятом кабинете на стульях для посетителей сидели двое: женщина-карлик — очень миловидная крашенная блондинка, такая крохотная, точно Дюймовочка, с маленькими аккуратными ножками и ручками, в брюках и яркой, почти детской розовой курточке, испачканной зеленым.

А вот второй человек за столом...

Катя подумала, что это переодетый мужчина в женском платье. Так ей сначала показалось. Потом она пригляделась — нет, фигура женская, округлая, но...

Ах, памяти незабвенной Кончиты Вурст — борода той певички с Евровидения, — у человека в женском платье имелась густая каштановая борода. Каштановые волосы струились по плечам. Пестрое платье из джерси спереди разорвано и все тоже залито зеленым.

— Грудь болит вот здесь. Он прямо в грудь меня бил ногой специально. Я когда упала...

Голос... голос — женский, очень мягкий, немного низковатый, исполненный боли и страдания.

Катя сразу поняла — перед ней женщина.

— Пишите заявление, Кора, — сказала Лиля Белоручка. — Марина, и вы тоже. — Она подвинула к женщине-карлику лист бумаги и дала шариковую ручку.

— Лилия, что у вас тут происходит? — спросила Катя.

Лилия лишь глянула на нее, скулы очертились еще резче под тонкой кожей.

— Может, не надо писать никакого заявления? — спросила Кора.

— Пишите заявление, мы возбудим уголовное дело о нападении на вас.

— На меня дважды уже нападали до этого. Я не обращалась в полицию. Один раз вечером в переходе на лестнице так толкнули сзади. Я грохнулась, боялась, что ногу сломаю. А сегодня мы с Маришкой вышли из такси... Я даже не видела их — как они на нас налетели. Один что-то про Лигу кротких против Содома орал и ударил меня. Я упала на колени. А он меня ногой в башмаке в грудь вот сюда... Грудь болит... и еще в промежность ударить пытался, думал, наверное, что у меня там яйца, как у мужчины. — Та, которую звали Корой, рассказывала все это медленно, словно с усилием. — Я согнулась, а он меня сверху ударил склянкой с зеленкой. Вот теперь вся зеленая буду. Орал, что я трансвестит бородатый... А я женщина — такая же, как вы и вы.

Кора обернулась к Кате. Глаза — темные, полные муки и слез. Борода...

— Я знаю, — сказала майор Белоручка, — пишите заявление о том, как на вас напали.

— Я женщина. Я никаких операций себе не делала. И пол не меняла. Он, тот, кто бил меня, наверное, решил, что я пол меняла. А я — никогда. Таких, как я, прежде в цирках показывали в шоу уродов...